

Думы и мысли.

Размышления о докладе Г. ф. Фальчикова.

Союз казаков, окончивших высшие учебные заведения в ЧСР, устроил 1-го сего июня доклад Г. Ф. Фальчикова на тему: «Удачи и неудачи казачьих объединений».

Докладчик цель и задачу своего доклада определил так: возбудить интерес, создать настроение. Средства — учесть неудачи, ошибки и промахи в прошлом и сделать соответствующие выводы. Но цели своей г. Фальчиков не достиг, средства оказались неудачными, а от вывода докладчик или уклонился сознательно или оказался не в состоянии их сделать: вывода мы не услышали.

В настоящий момент, — говорит докладчик, — нет в казачьей эмиграции объединяющего, крупного, значительного центра. Как найти путь к такому объединению — вот практическая цель, конкретная задача всех казаков. В чем заключались ошибки объединений в прошлом? Постоянно подчеркивался один момент, в одних случаях, м. б., положительный, но в деле объединения, положительного строительства — отрицательный, а именно — все строилось на каких-то (?) казачьих особенностях, не определяя, в чем заключаются эти особенности. Существовавшая политическая организация «Союз Возрождения Казачества» пыталась определить эти особенности, пытается делать это и Вольное Казачество.

По своему происхождению, — докладывает г. Фальчиков, — Казачество является представителем не русского или украинского народа, а русского (?) народа. (Особая этническая категория по теории г. Фальчикова. К такой категории относилось понятие «астро-венгерского или габсбургского народа», представителем коего, по логике Фальчикова, являлись, например, чехи и т. д. или индусы и арабы являются представителями «Британского народа». Ш. Б.) По своему социальному положению Казачество является военно-земледельческим классом, внутри — трудовая демократия. Но, определение природы Казачества не входит в тему докладчика (а какой смысл всех рассуждений без определения, знания природы Казачества? Ш. Б.). Его задача выяснить причину неудачи объединения и искать новых путей для нового объединения.

Что нужно для этого? Сейчас важна общая цель, всех объединяющая, которая была бы дорога для всех казаков. Частности не нужны, их нужно отбросить.

В период Вр. Правительства, — продолжает докладчик, — главные основные вопросы разрешались в общегосударственном масштабе. Съезды, Круги, Рады занимались, т. е., домашними, второстепенными вопросами (для г. Фальчикова Съезды, Круги, Рады и само Казачество действительно второстепенный вопрос, а отсюда понятны и естественны все его рассуждения о Казачестве. Ш. Б.). В период развала объединялись на отрицании. Коль скоро ставился вопрос: за что? объединения уже не было. Пафос объединения достигался только на отрицании. Была единственная заповедь: попытка разработать положительные задачи, это — Юго-Восточный Союз (докладчик здесь делает исторический ляпсус: это был первый опыт объединения в 1917 г., кроме Совета Союза Казачьих Войск. Ш. Б.).

И эти объединения на отрицании по инерции продолжались и в эмиграции. Лозунги эмигрантских объединений: против удущения казачьего духа, за возрождение (но, возрождение уже не отрицательный лозунг. Ш. Б.); против уничтожения, за сохранение; против расказачивания и т. д. (эти лозунги тоже отнюдь не «отрицательные», как думает Фальчиков. Эти лозунги весьма сложного содержания, как сложна всякая борьба за Народ, за Области, имеющие цельный историческо-общественный, культурный облик, содержание. Ш. Б.).

В чем заключаются отличия, особенности самостоятельности от других казачьих организаций? — задает докладчик вопрос. И отвечает: ставится определенная цель, а все остальное отбрасывается. Какая это цель? Борьба всеми средствами против большевиков. (Это или полное непонимание природы самостоятельности-независимости или нарочито суженное толкование для публички.

Ш. Б.). В этом весь пафос попытки самостоятельности. Опять отрицание, нет положительных задач. Целевое устремление. Цель, м. б., благородная, но нет настоящего объединения (очевидно, объединение, неприемлемое для г. Фальчикова не есть объединение. Ш. Б.).

Из всех конкретных попыток к объединению казачьей эмиграции, по мнению Ф-ва, более удачными оказались: экономическая организация Общеказачий С.-Х. Союз и политическая организация — «Союз возрождения Казачества». (Эти организации были «удачными» лишь до известного момента, наступившего около 5 лет тому назад и совпавшего с «политикой» г. г. Фальчикова, Сидорина и др. Ш. Б.). По мнению докладчика, «Объединенный Совет Дона, Кубани и Терека» с устаревшей, в связи с изменившимися условиями жизни, декларацией ничего не стоит. А о «так называемом бытовом Союзе» и говорить не стоит. (Не потому ли, что не нравятся г. г. Фальчиковым, Харламовым и их единомышленникам? Ш. Б.).

Вообще сама эмигрантская обстановка неблагоприятствует созданию жизнеспособного (?) объединения. У людей заваса энергии много, но нет приложения, нет разряда. Машина работает на холостом ходу. Но, несмотря ни на что, не изирая на все препятствия, мы должны искать таких путей, которые привели бы нас к положительным результатам. Слишком мало внимания уделяется в казачьей среде постановке казачьего вопроса, а если кто и ставит, то неграмотно. (С большой головы на здоровую: именно та «казачья» общественность, к которой принадлежит докладчик, как раз и уделяет мало внимания казачьему вопросу, ибо он, по их мнению второстепенный. Им нужны вопросы «общегосударственные», «общероссийские». Ш. Б.).

В. А. Харламов говорит, что на одних казачьих особенностях объединяться нельзя. Эти особенности способны только к объединению... в кабаке на чаровой водки (удивительное понимание казачьих особенностей в голове б. Председателя Д. В. Круга. Ш. Б.). Местничество, обособленность, связывает, суживает рамки, тесно... На авторитарности атаманского звания — икона, глядя на которую кто-нибудь из нас, м. б., в неделю раз и перекрестится, — но на этом нельзя строить что-нибудь живое. Держать казачью массу на психологии последнего приказа — преступление. На этой психологии строятся все попытки атаманские. Эту психологию нижнего чина я нашел в «В. К.», статьи которого я внимательно прочитываю, в противатаманской статье Кудинова, героя Верхне-Донского восстания. С указанием докладчика, что удачными были только попытки объединения в «Общеказачьем С. Х. Союзе» и в «Союзе Возрождения» я вполне согласен, потому что они исходили от самой казачьей массы. (Видимо совсем отшибла память г. Хар-ва, если он так понимает историю возникновения СВК и ОСХС. На призыв создателей этих организаций отговаривалось значительное количество казаков и только политика г. г. Харламова, Фальчикова, Васильева и им подобных отвратила массу от указанных организаций. Было и не так давно время, когда между этими представителями «русского народа» легла моральная преграда и Фальчиков с друзьями ходил в полицию с жалобой на «антиобщественную политику» Харламова и Васильева В. Т. Ныне, когда Вольное Казачество стало делать чисто казачью политику, заговорило казачьим языком, они во имя «общероссийских интересов» объединились против казачьей политики. И теперь неизвестно: или одни морально исправились или другие морально опустились. Ш. Б.).

Мы, казаки, — продолжает Харламов, — не из особого теста сделаны. Политические разномыслия есть и будут. Их нельзя прикрывать одним словом «казак», этого очень мало. Мечтать о каком-нибудь широком общественно-политическом объединении не стоит, это невозможно, не в наших силах. Но это не должно мешать культурно-экономическому, правовому объединению...

Г. Вихлянец причину всех кризисов казачьих организаций видит не в недостаточности казачьих особенно-

стей, а в русской психологии, в слишком большой русскости казахских деятелей. Поэтому (?) предлагает объединиться всем казахским организациям, исключая Вольное Казачество „на Ягелонской, 24“...

В. Т. Васильев много говорит о достижениях казахских организаций, участником в работе которых он сам был. (О его деятельности в качестве члена Донского Правительства донцы знают хорошо. Ш. Б.).

В. Д. Белый отмечает неудачу попыток казахского объединения в эмиграции. Военная каста (?) объединилась на отрицании, но ничего не сделали и наши политические лидеры. Что положительного дали наши общественно-политические деятели военным, которые несли главную операцию на территории Д, К. и Т.? Могут сказать, что они добились суверенности Дона и Кубани „впредь до“. Да верно, это было хорошее достижение. Но что было положительного в самих этих деятелях? Они не дали ничего положительного, вокруг которого казаки могли объединиться. Основная ошибка заключается в оторванности этих деятелей от массы. Не пытались подходить ближе к живой массе интеллигенции, не сумели привлечь ее к творческой работе, не использовали ее энергии, порыв... Если этой связи не будет и в дальнейшем, то не будет и объединения. (Радикально, но слишком суммарно, отвлеченно, а потому бессодержательно. Ш. Б.).

Г. Глазков своим пылким „страшным“ выступлением против Вольного Казачества „на Ягелонской, 24“ приводит в веселое настроение аудиторию. Безное дитя не понимает, в каком жалком и смешном положении ставит самого себя сумбурным выступлением.

И. П. Кохановский причину неудач казахских организаций видит в текучести казахской массы — сегодня здесь, завтра там. (Спрашивается, а что же делали те, которые сидели на одном месте, не растекаясь? Ш. Б.).

Так почтенные и пылкие люди вкуче сидели, беседовали и работали на „холостом ходу“ в течение трех часов. Докладчик цели своей, понятно, не достиг — интереса не возбудил, настроения не создал. И не от чего было создаваться атому настроению, ибо по утверждению самого докладчика, в казахской общественности ничего хорошего не было в недалеком прошлом, ничего привлекательного нет и теперь, за исключением „Союза Возрождения“, руководителем которого является он. Только теперь нужно искать это хорошее. А найдем ли — это, мол, большой вопрос. И, конечно, такой доклад не только не способен возбудить интереса, но способен потушить, убить и последний интерес, в ком он еще сохранялся. Сам докладчик сказал, что „все содержание моего доклада приводит к самым пессимистическим выводам“, но он „не хочет быть пессимистом“. (Какой упрямый!)

Он много раз утверждал, что жаждет быть объективным. Но из всех существовавших и существующих казахских организаций докладчик назвал удачными только две: „Общеказачий С. Х. Союз“ и „Союз Возрождения“, одним из участников которых он сам является. Если принять во внимание „удачность“ этих двух организаций, заключающуюся в том, что первая с самого начала своего зарождения непрерывно переживая один кризис за другим, ныне дожидает свои последние дни, а вторая — после бесконечной внутренней борьбы раскололась на части и ныне оставшиеся в ней несколько человек нашли тихую пристань себе под материнским крылом российских эс-эров, — то станет совершенно ясной его „беспристрастность“.

На девятом году эмиграции Фальчинов взялся за ум и, укрепившись на эс-эровских укрепленных позициях, собирается искать новых казахских путей, новую казахскую цель, способную привлечь внимание казаков, ищет положительных задач. Но это называется лезть в открытые двери.

Такая высшая цель уже существует, она привлекает внимание всех казаков, создает подлинное казахское настроение, пафос. Ярким подтверждением этого является объединение волею Вольного Казачества сотни молодых пишущих казаков, чего не достиг ни один каза-

чий печатный орган, и те сотни признательных писем, которые получает редакция от казаков из всех углов земного шара.

И в самом деле.

Задача восстановления независимой казахской государственности, разрушенной московской оккупационной властью. — положительная это задача или нет?

Попытка, м. б., несовершенно, разработаные социально-экономические, земельные, общественно-культурные вопросы под углом зрения чисто казахским, — положительная задача или нет?

Попытки добросовестно разобраться в историческом происхождении Казачества и уяснить себе его национальную и социальную природу и, уяснив это, на прочном фундаменте возводить казахское государственное строительство, — положительная задача или нет?

И т. д. и т. п.

Все это докладчиком называется „частностью“. Ему нужен „общероссийский“ размах, „обитогосударственный“ масштаб, ибо он слишком „делик“ для того, чтобы вложиться в казахский масштаб. Этот человек своим умом дошел до того, что не стесняется говорить о „каких-то“ казахских особенностях. Другой лотец казахской демократии, Харламов, говорит, что эти „так называемые казахские особенности способны объединить казаков только в кабаке за чаркой водки“. Он называет преступлением атаманский метод объединения казаков, но мы можем сказать: пабави Боже от Харламова-Сидорина-Васильевской „демократии“...

Эти люди под тяжестью партийного хомута, состоя одни „при эс-эрах“ другие „при эр-деках“, ослепленные партийной доктриной, сознательно не хотят видеть ясную и простую, всем казакам понятную, для каждого казака священную цель освобождения и возрождения Вольного Казачества. При таком сознательном отворачивании от этой ясной казахской цели никакие поиски не приведут ни к какой другой цели, ибо другой казахской цели нет. Вот почему получалось и будет получаться „каждый раз на эфтом самом месте“ — „холостой ход“. Никакие изощрения, никакая словесная диалектика г. г. Фальчинова, Харламова, Васильева со присными не приведут ни к чему, ибо нет у них цели, а все делается, по выражению Фальчинова, „от случая к случаю“.

Вольным Казачеством ясная цель поставлена, определенные вехи намечены. Не „частности“, не „детали“, а именно цели наиважнейшие. Поэтому необходимо всем казакам объединиться, общими усилиями, идя по этим нелам, соорудить отдельные части Великого Казахского Дона, чтобы придя „туда“, быстро построить его, а не хныкать на разных докладах, что у нас ничего нет, ничего не сделано.

Прошло уже 9 лет, в руках г. г. Харламова, Фальчинова, Сидорина и Ко были все карты, казаки своим именем подписали их, но ничего они не сделали. Мало того, в душу простого казака своими восторженными предвыборными „комбинациями“ внесли яд сомнения, вселили пессимизм, убили веру казахскую. Общественным скопцам не дождаться общественного плода...

Для того, чтобы достигнуть какие-нибудь осязательные результаты, чтобы создать что-нибудь живое, жизненное, сами делатели этого дела должны иметь некую высшую Цель, высшую Идею, ею постоянно идя дня в день жить, гореть. Этим своим горением, бескорыстным, жертвенным служением Идее зажигать сердца других, воспламенить коллективную душу казахской массы, порождают и укрепляют в них восторженную веру...

У казахских демократических „лидеров“ типа г. г. Фальчинова, Харламова, Васильева и т. д. ныне собирающихся искать цель для своей работы, этого бескорыстия, этого необходимого жертвенного служения Идеи нет, у них и не было этой Идеи, в чем ныне они сами признаются. Вся их работа, вся их „деятельность“ заключалась лишь в игре организацией и в организации, захвате в ней власти и размыривании в ней роль „большого“ деятеля.

Но, не довольно ли „игры“?

Шамба Балинов.